

12. Rodier, C. Frontex, bras armé de l'Europe forteresse / C. Rodier // La fin du monde unique. 50 idées-forces pour comprendre / Sous la direction de B. Badie et D. Vidal. – Paris: Editions La Découverte, 2010. – P. 170–174.

13. Monarchie et immigration [Ressource électronique] // Action française. – Mode d'accès: <http://www.actionfrancaise.net/craf/?Monarchie-et-immigration>. – Date d'accès: 27.12.2015.

14. Manifeste [Ressource électronique] // Action française. – Mode d'accès: <http://www.actionfrancaise.net/craf/?Manifeste>. – Date d'accès: 02.01.2016.

15. Gaulice, L. En relisant Maurras. L'état royal / L. Gaulice // L'Action française-2000. – 2011. – № 2820. – P.14.

16. Constitution de la République française [Ressource électronique] // Assemblée nationale. – Mode d'accès: <http://www.assemblee-nationale.fr/connaissance/constitution.asp>. – Date d'accès: 26.12.2015.

17. Faye, G. Le nouveau bipartisme: FN contre RPS [Ressource électronique] / G. Faye // J'ai tout compris: Blog de Guillaume Faye. – 17.12.2015. – Mode d'accès: <http://www.gfaye.com/le-nouveau-bipartisme-fn-contre-rps/>. – Date d'accès: 08.01.2016.

(Дата подачи: 19.02.2016 г.)

О. И. Евстратьев

Республиканский институт высшей школы, Минск

A. I. Yeustratsyeu

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 94(474)

«LATVIEŠU KOLONISTI» VS. «ERSTER DEUTSCHE KOLONIALVERSUCH»: ЛАТЫШСКАЯ И ПРИБАЛТИЙСКО-НЕМЕЦКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ КУРЛЯНДСКОГО КОЛОНИАЛИЗМА В МЕЖВОЕННЫЙ ПЕРИОД (СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

«LATVIEŠU KOLONISTI» VS. «ERSTER DEUTSCHE KOLONIALVERSUCH»: LATVIAN AND BALTIC-GERMAN HISTORIOGRAPHY OF THE COURLAND COLONIALISM IN THE INTERWAR PERIOD (COMPARATIVE ANALYSIS)

В статье проводится сравнительный анализ историографии латышского и прибалтийско-немецкого происхождения по истории колониальной политики Курляндского герцогства, возникшей в межвоенный период. В основу анализа положены два критерия: характеристика общего научного уровня рассматриваемых работ и выявление их вненаучных параметров. Делается вывод о существовании двух тенденций в межвоенной историографии курляндского колониализма: латышской постколониальной, заключающейся в стремлении преодолеть постколониальные чувства молодого латышского народа, и прибалтийско-немецкой экспансионистской, призванной оправдать германский экспансионизм.

Ключевые слова: колониальная политика Курляндского герцогства; латышская историография; прибалтийско-немецкая историография; межвоенный период.

The article presents a comparative analysis of the historiography of Latvian and Baltic-German origin, which cover the colonial policy of the Duchy of Courland. The scope of the

study includes the time period between WWI and WWII. The analysis is based on two criteria: general characteristics of the scientific consistency of the considered works; identification of their quasi-scientific peculiarities. The following trends in the interwar historiography of Courland colonialism have been identified: Latvian Post-Colonial tendency, expressed by the effort to overcome the post-colonial syndrome of young Latvian nation; Baltic-German Expansionist approach, intended to justify the German expansionism.

Key words: the colonial policy of the Duchy of Courland; Latvian historiography; Baltic-German historiography; interwar period.

Со времен Средневековья вплоть до конца Первой мировой войны сведения по истории Курляндского герцогства можно было почерпнуть лишь из трудов, написанных прибалтийскими немцами. В годы существования герцогства (см.: [5]) и на протяжении XIX в. в исследованиях, в той или иной степени затрагивавших историю Курляндии, доминировали политико-правовые и религиозные аспекты. Данное обстоятельство можно объяснить не только теоретико-методологическими особенностями историописания того времени, но и насущными потребностями остзейской знати, выразителями интересов которых (если и не выходцами из их среды) в подавляющем большинстве случаев являлись местные историки. В этой связи колониальный эпизод курляндского прошлого, выходявший далеко за пределы дворянских нужд, долгое время находил отражение лишь в случайных упоминаниях, рассеянных по разного рода обобщающим работам, либо в кратких статьях, посвященных отдельным фрагментам заокеанской экспансии герцогства.

Изучение истории Курляндии получило новый импульс с образованием в 1918 г. независимой Латвийской Республики. Курляндское герцогство, покинувшее политическую арену в 1795 г., не оставило после себя прямых наследников, что позволило латышским мыслителям провозгласить его частью своего исторического наследия в соответствии с территориальным подходом: герцогство располагалось на юге современной Латвии. Таким образом, латышские историки начали пересмотр устоявшихся в немецкоязычной историографии представлений о Курляндии. Данная тенденция привела к провозглашению «курляндского» периода в истории Латвии (особенно годы правления Якоба Кеттлера (1642–1681)), наравне со «шведским», ее «золотым веком» в противовес временам немецкого, польско-литовского и российского владычества [16, с. 494–495]. В этих условиях востребованным оказался колониальный эпизод курляндской истории.

Прежде чем приступить непосредственно к рассмотрению и сравнению интересующих нас работ, необходимо обозначить критерии их анализа. Оставив в стороне критику отдельных сведений по истории колониальной политики Курляндии, главное внимание мы сосредоточим на характеристике общего научного уровня этих трудов, обусловленного спецификой использованных при их написании источников и методологии, а также на выявлении их вненаучных параметров, порожденных влиянием современной авторам общественно-политической обстановки в их странах. Последний

критерий представляет наибольший интерес, так как он является ключом к пониманию общей направленности и концептуального наполнения рассматриваемых исследований, ведь «историк живет в обществе и испытывает его воздействие, и в этом смысле его суждения не могут быть абстрагированы от умонастроений, движений мысли, характерных для его среды» [1, с. 81].

Именно в межвоенный период мы встречаем первые усилия латышских исследователей в деле пересмотра колониальной истории Курляндского герцогства. В 1930 г. в Лиенае увидела свет книга офицера латышской армии Кристаса Кришса Упелниекса под названием «Курляндское мореходство и колонии в XVII веке» [17]. С скромная по объему – всего 94 страницы, охватывающие 5 глав, – не более значительной она является и в научном плане. Работа была написана исключительно на основе предшествовавших ей исследований. При этом лишь незначительное их число посвящено непосредственно курляндской колониальной политике и связанным с ней проблемам. Это хрестоматийные труды прибалтийско-немецких историков Отто фон Мирбаха 1844 г. и Генриха Дидерихса 1890 г., а также статьи латышских исследователей: некоего Г. Милбергса 1923 г. и Яниса Юшкевичса 1924–1925 гг. Таким образом, Упелниексу остались не известны важные по данной тематике работы Хьюго Зевига 1872 г. и Августа Серафима 1890 г. (анализ работ этих авторов, а также Дидерихса см.: [4]). Подобный поверхностный подход к источниковой базе исследования вполне объясним: автор был военным со степенью по экономике [13], а не профессиональным историком. К тому же его книга служила целям, выходящим за рамки «чистой» науки.

В методологическом плане Упелниекс попытался вписать колониальную политику Курляндии в широкий контекст истории формирования мировой колониальной системы, которой посвящена самая объемная первая глава книги [17, с. 4–28]. Она охватывает огромный промежуток времени – с эпохи Древнего Египта до конца XIX в. Автор вообще проявил склонность к глубоким хронологическим экскурсам. Например, глава, посвященная курляндскому судоходству, начинается с описания походов викингов [17, с. 52]. По примеру Дидерихса [8, с. 7–13] автор стремился рассмотреть колониальную политику Курляндии с учетом политической и экономической обстановки в герцогстве, внешней политики Якоба Кеттлера и состоянием его флота и мореходства в XVII в. (главы II–IV соответственно). Однако каждая структурная единица книги оказывается обособленным очерком, рассматривающим посвященную ей проблему изолированно. Собственно колониальную политику герцогства в устье реки Гамбия и на острове Тобаго автор представил лишь в последней, пятой, главе [17, с. 67–88]. С методологической точки зрения она свелась к последовательному изложению событий в духе позитивистской историографии.

Таким образом, рассматриваемое исследование не представляет большого научно-исторического интереса. Куда более любопытным представля-

ется предложенное в книге толкование колониальной истории Курляндии. Упелниекс открыто называет Курляндию (*Kurzeme*) «нашей родиной» (*mūsu dzimtene*) [17, с. 67]. Сетуя на то, что остров Тобаго, где некогда располагалась курляндская колония, в конечном счете остался за Англией, автор подчеркивает, что герцогство «никогда не отказывалось от своих прав на него», а следовательно, «латвийское государство, как наследник и правопреемник Курляндии, бесспорно имеет права на остров Тобаго, эту древнюю курляндскую колонию!» [17, с. 88]. Примечательно, что Упелниекс поместил Латвию в один ряд с современными ему колониальными державами, перечисленными в таблице, содержащей их количественные характеристики [17, с. 89]. Вероятно, автор хотел выразить претензии на то, чтобы его страна также вошла в число колониальных империй благодаря возвращению ей заокеанских владений Курляндского герцогства.

Данная книга важна как один из ранних образцов латышского видения истории курляндского колониализма. Не дотягивая до полноценной научной работы, она служила целям популяризации данной тематики среди латышской общественности, а также оправданию претензий молодой прибалтийской нации на остров Тобаго в далеком Карибском море. В межвоенный период в Латвии появилось множество произведений культуры, способствовавших популяризации колониального эпизода курляндской истории, связанного, в особенности, с островом Тобаго [14, с. XL; 16, с. 498]. Стоит вспомнить хотя бы исторический роман латышского писателя Александрс Гринса с говорящим названием «Тобаго», увидевший свет в 1934 г. [10].

Данная тенденция получила дальнейшее развитие в объемном труде Яниса Юшкевичса под названием «Курляндия в эпоху герцога Якоба» [11]. Богато иллюстрированное издание было опубликовано в Риге в 1931 г. Судя по всему, выходу работы Юшкевичса поспособствовал премьер-министр Латвии Карлис Улманис, в благодарность за что автор на первой странице книги выразил ему свое глубокое почтение [11, с. 1]. Также эта работа была использована в рамках школьной программы в Латвии [14, с. XL].

Столь высокая оценка книги Юшкевичса со стороны правительственных кругов вполне заслуженна. В контексте молодой латышской историографии данное исследование выполнено на довольно высоком научном уровне. С целью всестороннего рассмотрения истории Курляндского герцогства во времена Якоба Кеттлера автор привлек широкий круг источников, в том числе и архивных. При написании главы, посвященной колониальным предприятиям герцога [11, с. 205–267], Юшкевичс использовал материалы из Тайного государственного архива Пруссии в Берлине и Курляндского ландесархива в Ростке. Но все же большую часть сведений о заокеанской экспансии герцогства автор почерпнул из общеизвестной историографии по данной тематике, а именно из упоминавшихся выше работ Мирбаха и Дидерихса, книги немецкого историка Вальтера Эккерта 1927 г., о которой пойдет речь ниже, трудов братьев Августа и Эрнста Серафимов, Теодора Ши-

манна и Людвиг Альбрехта Гебхарди, посвященных различным аспектам истории Курляндии.

В методологическом отношении труд Юшкевича отличается большей связностью и системностью, чем работа Упелниекса. Каждая из структурных единиц книги способствует формированию цельной картины истории Курляндского герцогства во времена Якоба Кеттлера. Кроме того, автор избежал излишних «экскурсов в глубь веков», характерных для Упелниекса. В теоретическом плане повествование ведется в характерном для межвоенной историографии позитивистском ключе: главный интерес автора относительно курляндского колониализма сосредоточен на военно-политических и дипломатических аспектах борьбы герцогства за колонии. Вопросам их внутреннего состояния автор уделяет значительно меньше внимания. Стремление к объективному представлению эпохи Якоба Кеттлера в истории Курляндии (включая ее колониальный аспект), о котором заявил историк в начале своего труда [11, с. 6], свелось к привычному изложению «внешних» событий.

Развивая идеологическую линию, отраженную в книге Упелниекса, Юшкевич проявляет большую осторожность и сдержанность в выражении патриотических чувств. Ученый открыто признает немецкое происхождение курляндских герцогов и знати. Однако при этом он подчеркивает важную роль «латышского народа» в истории герцогства. Составляя большинство населения этой страны, угнетенное автохтонное крестьянство разделило исторические судьбы Курляндии со своими иностранными хозяевами [11, с. 5]. Так автор обосновывает права латышского общества на Курляндское герцогство как часть его исторического наследия.

Примечательно, что среди достижений Якоба Кеттлера Юшкевич в первую очередь называет приобретение им колоний [11, с. 5], невольно подводя читателя (в особенности своего латышского современника) к убеждению о важности этого акта в истории Курляндского герцогства и, следовательно, Латвии. Говоря о курляндских поселенцах на острове Тобаго, Юшкевич подчеркивает, что среди них было множество латышей, которые в далекой колонии становились не только свободными людьми (*brīvļaudīm*), но даже собственниками земли и рабовладельцами (*zemes kungiem un vergu turētājiem*) [11, с. 236]. Необходимо заметить, что в исторической памяти латышского народа, который на протяжении столетий находился в «колониальной» зависимости от германцев и русских, остров Тобаго до сих пор ассоциируется с пространством, свободным от угнетения, где предки современных латышей могли превратиться из колонизированных в колонизаторов [16, с. 502–503].

В конце концов, автор подходит к насущным для своей эпохи вопросам: может ли Латвия, как историческая преемница Курляндии, претендовать на бывшие колонии герцогства на острове Тобаго и в Гамбии, а также имеет ли она шансы их вернуть [11, с. 267]? Отвечая на них, Юшкевич обвиняет

англичан, которые на момент написания книги владели островом Тобаго, в многократных нарушениях договора с Курляндией от 17 ноября 1664 г., согласно которому Англия должна была обеспечить беспрепятственный проход курляндских кораблей в устье реки Гамбия. Соответственно, если англичане признают права Латвии на остров Тобаго, автоматически это придется сделать также относительно колонии в Гамбии. Кроме того, автор подчеркивает, что «вопросы с колониями герцога Якоба в мировой политике пока еще не решены. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1918 г. немецкие правительственные круги выдвинули требование, <...> чтобы вместе с Курляндией от России к ней перешли также колонии герцога Якоба от Англии» [11, с. 267]. Таким образом, автор допускает, что Латвия имеет все шансы вернуть себе курляндские заокеанские владения. Другое дело, нужны ли они латышам? Ответить на этот вопрос Юшкевичс предлагает дипломатам и экономистам.

В 1935 г. в Риге вышла книга Ю. Юшкевичса, посвященная судьбам курляндских герцогов [12]. Фрагмент по истории колониальной политики Якоба Кеттлера в целом соответствует сведениям из рассмотренной выше работы Я. Юшкевичса. Примечательно, что данная книга содержится в библиографическом списке одного из школьных учебников современной Латвии [6, с. 68].

В межвоенный период первой полноценной работой, затрагивавшей вопросы, связанные с колониальными предприятиями Курляндии, обогатилась также прибалтийско-немецкая историография. В 1927 г. в Риге при содействии местного Общества истории и древностей была опубликована книга немецкого историка курляндского происхождения Вальтера Эккерта под названием «Курляндия под влиянием меркантилизма» [9]. Данная работа, как и труд Я. Юшкевичса, представляет собой попытку всестороннего рассмотрения истории Курляндского герцогства в годы правления Якоба Кеттлера. При этом, в отличие от последнего, Эккерт в качестве системообразующего элемента всей общественной жизни герцогства в данный период (1642–1682) называет идеологию меркантилизма, которая способствовала «преобразованию страны из феодального княжества в современное государство» [9, с. VII].

Колониальную политику автор считает частью меркантилистской торговой политики [9, с. 165]. В этой связи заокеанскую экспансию герцога Якоба автор вписывает в контекст его «предпринимательской» деятельности наряду с индустриальными, торговыми и морскими инициативами. В масштабах всей книги колониальным предприятиям герцога уделено довольно мало места: всего 28 страниц из 256. При написании этой главы автор использовал все перечисленные выше хрестоматийные работы (Зевига, Серафима, Дидерихса) и ряд энциклопедических и обзорных изданий [9, с. XVII]. С рукописными документами Эккерт работал в Историческом архиве и Латвийском государственном архиве в Риге, а также в Курляндском ландесархиве

в Росток. Кроме того, в распоряжении историка были ценные таможенные списки по Зунду (совр. Эресунн; пролив, который должны пройти все суда, намеревающиеся выйти из Балтийского моря в открытый океан; в XVII в. принадлежал Дании).

В теоретико-методологическом плане автор попытался отойти от чисто событийного представления проблемы. Как было отмечено выше, вся логика повествования в данной работе подчинена выяснению того, как под влиянием меркантилизма Курляндия стремилась пройти путь от средневекового феодального государства к централизованной капиталистической державе Нового времени. Также Эккерт, в отличие от своих предшественников, пристальное внимание уделил не политической, а экономической сфере жизни герцогства.

Автор избегает категоричных утверждений относительно «национальной» принадлежности Курляндского герцогства и его колоний. На отождествление автора с Курляндией указывает лишь скромное посвящение в начале книги: «Моей курляндской Родине». Таким образом, автор явно не стремился объявить герцогство, а следовательно, и его колониальную «империю» историческим достоянием германского народа.

Совершенно иной подход демонстрирует прибалтийско-немецкий историк родом из Дерпта (совр. Тарту) Отто Хайнц Маттисен в своем исследовании «Колониальная и заокеанская политика курляндских герцогов в XVII–XVIII вв.» [14], посвященном исключительно колониальной политике курляндских герцогов. В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что данная работа увидела свет в начале Второй мировой войны, в 1940 г. (первая часть этого труда в форме диссертации вышла в 1939 г. [15]), в Штутгарте, который в годы Третьего рейха носил почетный титул «Город зарубежных немцев» (*Stadt der Auslandsdeutschen*). Работа Маттисена была опубликована в рамках проекта по изучению фольксдойче, организованного «Немецким зарубежным институтом» в Штутгарте (*Deutsche Ausland-Institut Stuttgart*). В этой связи она полностью вписывается в представления нацистских идеологов о величии и масштабах мирового влияния германской нации.

В плане использованных автором материалов данное исследование отвечает требованиям исторической науки. Маттисену известны все без исключения хрестоматийные работы по курляндскому колониализму. Но главный упор историк делает на том, что он впервые ввел в научный оборот документы из курляндского герцогского архива, фонды которого на тот момент находились в Латвийском государственном архиве в Риге [14, с. XXXV]. Также им были использованы фонды архива курляндского провинциального музея из Митавы, архива Общества по изучению древностей в Риге, городского архива Риги, Курляндского ландесархива и Тайного государственного архива Пруссии в Берлине. Таким образом, с «событийной» точки зрения автор делает вполне аргументированные замечания. Од-

нако отдельного внимания заслуживает концептуальная и идеологическая составляющая этой работы.

Уже в предисловии к книге, написанном в сентябре 1939 г. берлинским профессором В. Шюсслером, о Якобе Кеттлере говорится как о «зарубежном немецком барочном князе» (*dieser auslanddeutsche Barockfürst*), имя которого связано с «первой попыткой немцев на колониальном поприще» (*erster deutsche Kolonialversuch*) [14, с. V]. Профессор подчеркивает, что данная тематика приобрела особую актуальность в условиях «расширения немецкого мира во всех уголках планеты» [14, с. V]. Аналогии с экспансией Третьего рейха напрашиваются сами собой, когда Шюсслер восхищается «германским усердием и немецкой неустранимостью в далеких тропиках против всего враждебно настроенного мира», которые демонстрирует колониальный эпизод курляндской истории [14, с. VI].

Сам Маттисен в своей работе подтверждает подобные воззрения, с первых строк называя заокеанские владения Курляндии «фактически первыми в мире немецкими колониями» [14, с. XXXV]. Автор считает, что его работа должна напомнить немцам об этой колониальной политике «как о немецком деянии» [14, с. XXXVI]. Маттисен сетует на то, что его соотечественники проигнорировали «голоса, призывавшие вернуть эти некогда германские колонии», раздававшиеся в Германии после захвата немцами Курляндии в 1915 г. [14, с. XXXIX]. В этой связи не вызывает удивления крайне негативная оценка, которую историк дал труду Я. Юшкевича, да и вообще всей латышской историографии и публицистики по данной тематике. Она, по его мнению, «ищет способов захватить и без особых законных оснований перетянуть на почву латышской колониальной мысли эти первые немецкие колонии» [14, с. XXXV]. Автор обвиняет Юшкевича в искажениях исторической правды, проводившейся в угоду латышскому национализму, переоценке уровня развитости курляндских колоний и неправильном прочтении источников. Маттисен поражается, что на основе его книги молодых латышей обучают в школах и университетах, а в широких кругах балтийского общества благодаря ей формируется «легенда о Гамбии и Тобаго», на которой Латвия основывает свои претензии по поводу этих колоний, стремясь забрать их у англичан [14, с. XL, XLII].

Колониальную политику Курляндии автор представляет как закономерный этап в процессе территориального расширения германского мира, начавшегося в Средневековье в форме колонизации Прибалтики, и, судя по логике повествования, завершающегося в рамках военной экспансии Третьего рейха [14, с. 2]. Вообще в книге часто встречаются идеи, невольно вызывающие аналогии с политическими принципами нацистского государства. В частности, воспевая Якоба Кеттлера как первого европейского правителя, организовавшего колонии прогрессивного на тот момент «коронного» образца, при котором «колониальная политика могла базироваться лишь на власти и имени верховного правителя» [14, с. 92], он как бы оправдывает

концепцию фюрерства. Одной из причин провала колониальных предприятий Якоба Кеттлера историк называет отсутствие у того «подготовленной для колониальных дел родины, базиса в виде собственного народа, который духом, деньгами и делом поддерживал бы своего правителя» [14, с. 97], имплицитно намекая на то, что немцы, его современники, должны во всем содействовать своему фюреру, если не желают повторения судьбы провалившейся заокеанской экспансии курляндского герцога.

Таким образом, труд Маттисена создает двоякое впечатление. С одной стороны, он содержит ценные фактические сведения из истории колониальной политики Курляндского герцогства, являясь наиболее полным исследованием по данной тематике. Последнее обстоятельство находит выражение в обязательном упоминании этого исследования в любой современной работе, так или иначе затрагивающей курляндский колониализм [см., например: 2, с. 63; 7, с. 259]. С другой стороны, книга Маттисена преисполнена безусловно устаревшими пронацистскими трактовками рассматриваемого эпизода курляндской истории.

Итак, можно выделить две тенденции в интерпретации колониальной политики Курляндского герцогства, характерные для межвоенного периода:

1. *Латышская постколониальная историография.* Так, в исторической памяти латышского народа времена германского и российского владычества отразились как состояние «колониальной» зависимости. С возникновением латвийского национального государства появилась потребность в пересмотре собственной истории и в поиске славных страниц собственного прошлого. Распространившаяся в латышской историографии и популярной культуре «колониальная легенда», выразившаяся в том числе в конкретных претензиях на бывшие курляндские колонии, стала эффективным средством борьбы с постколониальными чувствами молодой латвийской нации. Данная тенденция наблюдается до сих пор (подробнее см.: [16]).

2. *Прибалтийско-немецкая экспансионистская историография.* Межвоенная немецкоязычная историография, посвященная курляндскому колониализму и нашедшая крайнее воплощение в работе Маттисена, настаивала на немецком характере колониальной «империи» герцога Якоба, оправдывая таким образом «извечный» германский экспансионизм. В силу того, что Курляндия не оставила после себя непосредственных исторических наследников, латышские и прибалтийско-немецкие исследователи начали оспаривать друг у друга бывшие колонии Курляндии, считая их своими по территориальному (латыши) либо этническому (немцы) признакам. «Битва» за курляндское колониальное наследие не завершилась до сих пор. С распадом советского государства в нее вступила также польская и белорусская общественность [3, с. 46–48], но научного развития данная тема в этих странах до сих пор не получила. Сохраняющаяся актуальность обозначенной проблематики обуславливает необходимость ее пересмотра в рамках современной исторической науки.

Список использованных источников

1. Гуревич, А. Я. Территория историка / А. Я. Гуревич // Одиссей. Человек в истории. – М.: Наука, 1996. – С. 81–109.
2. Дзярновіч, А. І. «... in Nostra Livonia»: дакументальныя крыніцы па гісторыі палітычных адносінаў паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Лівоніяй у канцы XV – першай палове XVI ст.: сістэматызацыя і актывы аналіз / А. І. Дзярновіч. – Мінск: Athenaеum, 2003. – Т. 1. – С. 374 с.
3. Евстратьев, О. И. Колониальная политика Курляндского герцогства в исторической памяти народов Восточной Европы и Прибалтики / О. И. Евстратьев // Социально-гуманитарные знания: материалы XII Респ. науч. конф. молодых ученых и аспирантов, Минск, 26 нояб. 2015 г. // РИВШ; под ред. И. В. Титовича [и др.]. – Минск, 2015. – С. 42–49.
4. Евстратьев, О. И. Колониальная политика Курляндского герцогства в прибалтийско-немецкой историографии второй половины XIX века / О. И. Евстратьев // История и культура на стыке эпох и цивилизаций: историко-культурное наследие как ресурс и результат развития общества: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию М. К. Огинского, Минск, 25–26 сент. 2015 г. // РИВШ; под ред. И. И. Калачёвой [и др.]. – Минск, 2015. – С. 69–73.
5. Евстратьев, О. И. Курляндское герцогство в свете прибалтийско-немецкой историографии второй половины XVI–XVIII века / О. И. Евстратьев // Научные труды РИВШ. – 2015. – № 15–1. – С. 51–61.
6. Пуренс, В. История Латвии: книга для учителя: эксперим. метод. пособие / В. Пуренс, Д. Лиепина [пер. с латыш.]. – Рига: RaKa, 2000. – 224 с.
7. Bues, A. Das Herzogtum Kurland und der Norden der polnisch-litauischen Adelsrepublik im 16. und 17. Jahrhundert: Möglichkeiten von Integration und Autonomie / A. Bues. – Giessen: Litblockin, 2001. – 370 S.
8. Diederichs, H. Herzog Jacobs von Kurland Kolonien an der Westküste von Afrika / H. Diederichs. – Mitau: J. F. Steffenhagen und Sohn, 1890. – 71 S.
9. Eckert, W. Kurland unter dem Einfluss des Merkantilismus: Ein Beitrag zur Staats- und Wirtschaftspolitik Herzog Jakobs von Kurland (1642–1682) / W. Eckert. – Riga: G. Löffler, 1927. – 272 S.
10. Grīns, A. Tobago: Vēsturisks romāns / A. Grīns – 2 iesp. – Rīgā: Valters un Rapa, 1935. – 348 lpp.
11. Juškevičs, J. Hercoga Jēkaba laikmets Kurzemē / J. Juškevičs. – Rīga: Valstspārū spiestuves izdevums, 1931. – 671 lpp.
12. Juškēvičs, J. Kurzemes hercogi un viņu laikmets / J. Juškēvičs. – 2. izd. – Rīga: Zvaigzne, 1993. – 651 pp.
13. Kristaps Upelnieks [Electronic resource] / Nekropole. – 2016. – Mode of access: <https://nekropole.info/lv/Kristaps-Upelnieks>. – Date of access: 11.02.2016.
14. Mattiesen, O. H. Die Kolonial- und Überseepolitik der kurländischen Herzöge im 17. und 18. Jahrhundert / O. H. Mattiesen. – Stuttgart: W. Kohlhammer, 1940. – 1015 S.
15. Mattiesen, O. H. Die Kolonial- und Überseepolitik Herzog Jakobs von Kurland 1640–1660 / O. H. Mattiesen. – Stuttgart: W. Kohlhammer, 1939. – 549 S.
16. Merritt, H. C. The colony of the colonized: the Duchy of Courland's Tobago colony and contemporary Latvian national identity / H. C. Merritt // Nationalities Papers. – 2010. – Vol. 38, № 4. – P. 491–508.
17. Upelnieks, K. Kurzemes kuģniecība un kolonijas XVII g. simtenī / K. Upelnieks. – Rīga: Rūpnieks, 1930. – 941 pp.

(Дата подачи: 15.02.2016 г.)